

А.И. Солженицын

Выступавшие до меня уже достойно оценили высокий умственный и культурный вклад русской эмиграции, в основном между двумя войнами. Была так называемая первая эмиграция. Была эмиграция вторая – результат Второй мировой войны, она попала в некотором смысле в более зажатое и ещё более тяжёлое положение, чем первая, но об этом несколькими словами позже.

Когда я приехал, вернее, когда я оказался на Западе, Никита Алексеевич Струве мне в одной из первых бесед сказал: «Да, а вот собирать впечатления о прошлой истории вы уже опоздали, почти все выдающиеся люди умерли». Действительно это было так. Я застал «первую эмиграцию» уже при её конце. Но тем более поразителен подвиг оставшихся стариков – безымянных, среди которых уже не было знаменитых имён, когда я два раза обратился с воззванием. Первый раз – с воззванием: «Пишите воспоминания о днях революции; всё, что вы помните!» И они писали. Некоторые – уже слепые, некоторые – едва держащимся в руках карандашом, некоторые – не дописав последней страницы, умирали. И тем не менее, они слали рукописи. Бесценные рукописи!

Значит, в первой эмиграции была не только вершина (вершина духовная, о которой здесь говорили), но была и масса замечательных свидетелей исторического времени, которое всё растоптано тем, что архивы у нас уничтожались, свидетели расстреливались, и память народная должна была исчезнуть.

Но народная память сохранилась в тех людях. Они дали мне прилив материалов, без которых я «Красное колесо» написать не смог бы. По семнадцатому году - документалистика богатейшая!

Но этого мало.

Чтобы почувствовать воздух эпохи, настроения людей и множество частных случаев, нужна была эта народная память. И, столкнувшись с этим, я послал второе обращение в 1977 году (это было 18 лет тому назад), о том, что мы с женой создаём, пока в Вермонте, Всероссийскую Мемуарную Библиотеку – сгусток памяти обо всей истории послереволюционного, а возможно, и дореволюционного периода. И я призвал всех эмигрантов писать мне.

Идея, конечно, была не нова. Едва первая эмиграция после революции оказалась на Западе, она поняла, что здесь, в России, из лап ЧК архивы уже не уйдут и что здесь правду будут выглаживать, выжигать. И она начала создавать свой, исключительной ценности, так называемый «Пражский архив». И создавала его от войны до войны. А потом кончилась война, пришла Красная Армия – и весь

этот архив увезли в Москву. Эмиграция считала его потерянным для России навсегда. И это было правдоподобно, очень правдоподобно.

Тогда эмиграция неумоимо стала собирать второй, так называемый «Бахметьевский архив» при Колумбийском университете (Бахметьев – бывший посол, последний посол России в Соединённых Штатах). Причём, по нашему русскому добродушию, договорились просто так, «по-хорошему»: «Вы нам – помещения, а мы будем собирать». «Да, пожалуйста-пожалуйста, мы вас не тронем!» А контракта не подписали. И президент Эйзенхауэр при жизни сказал: «Одобряю, одобряю». А контракта-то нет!

Прошло 20 лет, и они опять собрали прекрасный архив. Я там работал – чудесный архив, я там многое взял. И вдруг потом началось такое: американцы архив забрали. Колумбийский университет «заглохнул» - и всё! Выгнал русских – и больше ничего! «Контракта у вас нет? Нет... А обещания остаются обещаниями». Ну, конечно, он существует, он доступен, но он не стал нашей собственностью.

Наша Всероссийская Мемуарная Библиотека – это третья попытка. Это попытка, когда люди должны были верить, что, отправляя нам мемуары, они действительно посылают их на вечное хранение. И нам удалось собрать 750 воспоминаний (некоторые – маленькие, а некоторые – почти до 1000 страниц) о разных периодах дореволюционной, революционной и советской истории. И даже из России... Некоторые рисковали и присылали рукописи из Советского Союза нам туда – в Вермонт, с десятка полтора было и таких воспоминаний. Мы обещали, что берём на себя вечное хранение этих материалов – я или мои потомки – и что потом всё это будет базироваться в России. Но вот нам с женой довелось ещё при нашей жизни сделать это.

Здесь мы пока ещё не сделали публичного объявления о том, чтобы нам присылали мемуары. Не сделали потому, что у нас нет ни организационных сил, ни помещений, не успеваем мы всё обработать и сделать так, чтобы она, эта библиотека начала работать. Но уже здесь к нам пришло ещё 300 мемуаров, так что их уже больше тысячи! Если мы в ближайшее время сделаем объявление, придёт ещё несколько тысяч. Это сгусток нашей народной памяти – бесценный и во многом заменяющий все уничтоженные или навсегда для нас закрытые архивы. Я связываю открытие этого Дома - все остальные его функции назвали уже до меня, я не повторяю - также с тем, что это первое место, где мы можем начать разворачивать Всероссийскую Мемуарную Библиотеку, которая сейчас у нас только аннотируется – то есть по каждой рукописи составляется сжатая весомая аннотация. А дальше по каждой работе будет идти каталогизация, будут составлены картотеки: по

географическим местам, по именам, по социальным явлениям, по периодам, по отдельным событиям. Так что когда-нибудь любой читатель – наш современник или потомок – сможет прийти и сказать: «Меня интересует такое-то лицо». Ему ответят: «В таких-то мемуарах, на такой-то странице». «Меня интересует такое-то социальное явление (коллективизация, или что-то ещё)». «В таких-то мемуарах, на такой-то странице». И исследователь сможет это всё собрать, обобщить и пустить дальше...

Так вот, я присоединяюсь к общей радости, к тому, что этот Дом открывается, к благодарности Московской городской Управе (так я по-старому говорю), которая отдала нам это помещение и помогла нам здесь разместиться. И я надеюсь, что все линии, которые здесь были перечислены, в том числе и Всероссийская Мемуарная Библиотека, - всё это начнёт функционировать, и будет действительно светиться этот мост, соединяющий память эмиграции и нашей Родины.